

Два Катаева

Вес. Москва, 2000. — 2 марта. — с. 6

Станным образом в Валентине Петровиче Катаеве сочетались два совершенно разных человека. Один — тонкий, пронзительный, глубоко и интересно мыслящий писатель, великолепный мастер художественной прозы. И с ним совмещалась личность совершенно другого толка — разнузданная, бесцеремонная, а то и довольно цинично пренебрегающая общепринятыми правилами приличия.

Борис ЕФИМОВ

Я был довольно хорошо знаком с обоими Катаевыми — Валентином и Евгением. И иногда задумывался над тем, как несправедливо и капризно разделила между ними природа (или Бог) человеческие качества. Почему выдающийся талант писателя был почти целиком отдан Валентину Петровичу, а такие черты, как подлинная порядочность, корректность, уважение к людям, остались у Евгения.

Нельзя не вспомнить характеристику морального облика Катаева, которую то ли в шутку, то ли всерьез дал Иван Бунин в своей книге «Окаянные дни»: «...Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: «За 100 тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...».

Катаев, к счастью, никого не стал убивать, а его недюжинная творческая энергия устремилась в чисто литературном направлении.

При всем при том колючий и задиристый нрав Катаева нередко приводил к скандальным ситуациям. Мне довелось быть свидетелем такой сценки на одной из встреч с иностранными журналистами, которые Михаил Кольцов затеял в руководимом им «Журнально-газетном объединении». Эти встречи, как правило, сопровождались импровизированными концертными выступлениями известных артистов. Ведущий как-то объявляет:

— Сейчас Иван Семенович Козловский нам что-нибудь споет, потом Сергей Образцов покажет нам новую кукольную пародию, а потом...

И тут Катаев, ехидно глядя на присутствующего в зале начальника Главлита Бориса Волина (кстати, первого редактора «ВМ» в двадцатых годах), громко подхватывает:

— ...А потом товарищ Волин нам что-нибудь запретит.

Вспыхнувший Волин сказал, повысив голос:

— Что вы такое позволяете себе, товарищ Катаев?!

— Я позволяю себе, товарищ Волин, — незамедлительно ответил Катаев, — вспомнить, как вы позволили себе запретить «Двенадцать стульев».

— И правильно сделал! И кое-что следовало бы запретить из ваших, товарищ Катаев, антисоветских пасквилей.

Явно разгорался скандал, и я бросился искать Кольцова.

— Миша, — сказал я брату, — там сцепились Волин с Катаевым. Надо их разнимать...

Недобрым и недостаточно деликатным бывал Катаев и к людям, с которыми находился, казалось бы, в хороших дружеских отношениях. Как, например, он зло высмеял писателя-сатирика Леонида Ленча и его жену Лилию в повести «Святой колодец», выведя их под именем супругов Козловичей. С изощренным издевательством, с присутствием ему мастерством изображает Катаев Лилию Ленчу: «...Что касается мадам, то она была в узких и коротких штанах эластик, которые необыкновенно шли к ее стройно-склеротическим ногам с шишками на коленях». И далее: «...давало полное представление о ее душевном состоянии, которое отражалось на ее лице, измученном возрастом и ощущением собственной красоты».

А о самом Леониде Ленче, который обожал Катаича и преклонялся перед его талантом, Катаич пишет: «Он был в несколько эстрадном пиджаке цвета кофе о-лэ, и в брюках цвета шоколада о-лэ, и в ботинках цвета крембрюле при винно-красных шерстяных носках. Рукава его пиджака были на несколько микронов короче, чем требовала мода, а манжеты высовывались, быть может, на полтора микрона больше, чем требовала та же мода». Так же безжалостно-саркастически Катаев описывает наружность своего друга с его «клавишами зубов, пробором от лба до затылка» и «интенсивно розовым» лицом.

Конечно, все знакомые не могли не узнать супругов Ленчей в образе Козловичей и удивлялись, как с ними обошелся друг Катаич. Мне вскоре довелось встретиться «Козловичей» в ЦДЛ, и там произошло следующее.

Лилия бросилась ко мне буквально с воплем:

— Боря! Посмотрите, — кричала она, задирая юбку. — Где вы видите у меня склеротические шишки на коленях? Скажите, где их увидел Катаев?!

А стоявший рядом Ленч печально добавил:

— Не пойму, что это Катаичу вздумалось...

А так случилось, что через несколько дней я встретился с Катаевым на каком-то вечере в ЦДЛ.

— Ну, Валя, — сказал я, — довольно немилосердно обошлись вы с Ленчами-Козловичами.

— Боря! — нахмурившись, сказал Катаев. — Вы что, не знаете, что это за дама? Не знаете, кем она кое-где работала в Ленинграде? Там ее приставили к Зоценко, а потом перебросили на Ленча. Вообще, она пущена по литературе...

Нельзя было не посочувствовать бедным «Козловичам», ни за что ни про что попавшим под тяжелую десницу неумолимого Катаева. Но невозможно было и не прийти в восхищение, глубокое и искреннее, от великолепной художественной прозы трех повестей, неожиданно опубликованных Катаевым, — «Святой колодец», «Трава забвенья» и «Алмазный мой венец». Это был совершенно новый Катаев. Катаев с решительно обновленным стилем писательской манеры, необычной, свежей, метафорически-раскованной. Интересен был найденный Катаевым литературный прием, изящная «зашифрованность» действующих лиц. В этих произведениях фигурировал некий Командор, в кото-

К счастью, Катаев не стал никого убивать, его агрессия устремилась в литературном направлении

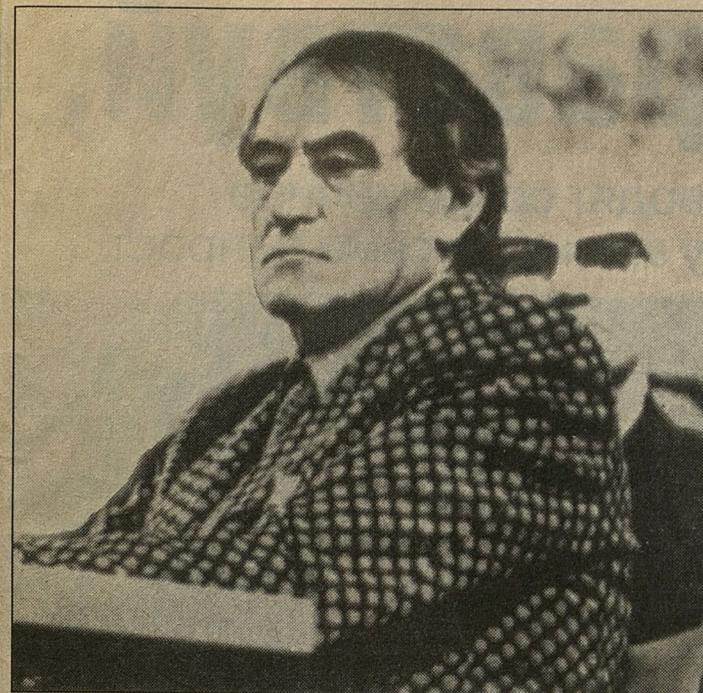
ром читатель без труда узнавал Владимира Маяковского. В Королевиче узнавался Сергей Есенин, в Синеглазом — Михаил Булгаков, в Птицелове — Эдуард Багрицкий. И это, сплетаясь с достоверными фактами воспоминаний, создавало для читателя своего рода завлекательную игру.

Катаев становился легендарной фигурой. В самом деле, от кого другого на открытии в Государственном музее Маяковского, где возобновлялась знаменитая выставка «Двадцать лет работы Маяковского», молодежная аудитория могла услышать похвалу и небрежно сказанное:

— Помню, Маяковский меня тогда спросил, что я думаю о его замысле отчитаться такой выставкой о его двадцатилетней работе поэта. Я ему ответил, что не советую этого делать, потому что это справедливо сочтут нескромностью и саморекламой. Он меня не послушался, выставку устроил. И теперь я вижу, что он был прав.

После этого мы втроем — Катаев, Соколов (единственный оставшийся из Кукрыниксов) и я — разрезали красную ленточку, обозначая этим новое, очередное открытие выставки, вернисаж которой состоялся ровно полвека назад.

Последние годы Катаев прожил на своей уютной даче в по-

селке Союза писателей Переделкино. Остряки называли этот писательский кооператив «Переделкино и Переиздаткино». Многогодные и малочитаемые произведения литературных генералов переиздавались регулярно и настойчиво. Закономерно переиздавались и завоевавшие неизменный успех у читателей романы, повести, рассказы, новеллы, юморески, выходившие из-под щедрого пера Валентина Петровича. Казалось, что Катаеву пришла пора «почтить на лаврах», которые ему заслуженно принесли такие монументальные произведения, как «Белеет парус одинокий» или «За власть Советов», и что он вправе успокоиться на достигнутом им, бесспорно, заслуженном, высоким «рейтинге» среди писателей страны.

Но произошло неожиданное. Слово ожил давно бездействующий вулкан, который считали окончательно умолкшим. И с какой новой силой и ошеломляющим эффектом забушевал этот «вулкан»! Катаев отказался от своего всем хорошо знакомого, годами установившегося литературного стиля и языка, реалистической, достоверной манеры, в которой на первом плане — зорко увиденные факты и ситуации, а авторские отступления и эмоции — где-то далеко «за кадром». У нового Катаева — все по-иному. Теперь автор запросто беседует с читателем, делится с ним своими размышлениями и впечатлениями в остром исповедально-открытом монологе, не считаясь ни с какими «правилами» общепринятых литературных канонов, как писал Эрнест Хемингуэй.

В эти годы я редко видел Валентина Петровича. Но однажды встретился на каком-то вечере в ЦДЛ.

— Как жизнь, Боря? Что поделываете?

— Спасибо, Валя. Нормально. В частности, отмечаю свое 80-летие.

— Банкет на четыреста персон? Не забудьте меня с Эстер.

— Конечно, не забуду. Но банкета не будет. Вместо него — открытие моей первой и последней персональной выставки. Кстати, мне было бы очень приятно, если бы вы написали несколько слов к каталогу этой выставки. На ней много всякой сатирической всячины. Вы, кажет-

ся, в этом неплохо разбираетесь.

— А что, Боря, вот возьму и напишу.

Дня через два я приехал на дачу Катаева в Переделкино. Он приветливо принял меня, степенный, маститый, убагаботворенный. Настоящий мэтр. Трудно себе было представить, что когда-то ему были свойственны экстравагантные, «босаяцкие» выходки. Он вручил мне две странички текста, который позволю себе привести полностью:

«Борис Ефимов. Знаменитый советский карикатурист. Народный художник СССР. Академик. Секретарь правления Союза художников СССР. Крупный общественный деятель. Он отметил свой юбилей и теперь открывает персональную выставку.

Откровенно говоря, мне все равно, сколько ему лет: пятьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто... Хоть сто! Для меня он всегда Боря Ефимов, спутник нашей юности, молодости, зрелости. А для меня и старости. Говоря «нашей», я имею в виду нашу старую, ныне уже, к сожалению, не существующую компанию: Ильф, Петров, Олеша, конечно, Михаил Кольцов, Зоценко, отчасти Булгаков, конечно, Маяковский. Наверное, я кого-то забыл, но это не имеет значения. В сущности, мы, должно быть, только и остались одни от нашей компании.

Борис Ефимов — непреходящая принадлежность двадцатых, тридцатых, сороковых военных, пятидесятых послевоенных и всех прочих годов бурного двадцатого века. Без него я не представляю себе разнообразной армии наших искусств.

...Но есть еще и человек Боря Ефимов, глубоко интеллигентный, что встречается не каждый день, остроумный, пронзительно тонкий, веселый, любящий и понимающий юмор. Мы видимся с ним нечасто, но когда видимся, это всегда радость. Мы дорожим своей дружбой.

Борис Ефимов — карикатурист реалистической школы с ее высокими гражданственными традициями, последователь Федотова. В этом его сила.

Крепко жму ему руку и обнимаю. Боря, не сдавайтесь, так держать!

28 мая 1981 года.
Переделкино».